

Т е м а н о м е р а Развитие человечества: теоретический концепт и социальная реальность

Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории

Вебер Александр Борисович –
доктор исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: mailbox@polisma.ru

Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.494](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.494)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы мирового развития в условиях цивилизационного кризиса. Доминирующий тип развития, основанный на безудержном экономическом росте, привёл к нарушению биосферного равновесия. Экологические угрозы обозначили пределы роста – растяжимые, благодаря техническому прогрессу, но вполне реальные. Политика глобализации усугубила ситуацию, обострив конкуренцию на мировых рынках и борьбу за доступ к ресурсам. Но пределы роста – это не предел социального развития. Существуют сферы, где предела нет: это сфера культуры, образования, искусства, спорта, творческой активности. В общественном мнении формируется новый подход к пониманию развития: его целью должно быть развитие человека, общественное благосостояние. Речь идёт о развитии, совместимом с сохранением природной среды в пригодном для жизни состоянии сегодня и в будущем. В этом основной смысл концепции устойчивого развития, официально признанной мировым сообществом, но пока не ставшей на деле приоритетом мировой политики. Переход к другому развитию встречает явное и неявное сопротивление влиятельных сил, так как предполагает преодоление крайностей неравенства, более справедливое распределение богатства, конструктивное международное сотрудничество, исключающее гегемонистские претензии с чьей-либо стороны. Будущее неопределённо, оно таит возможность разных исходов. Решающее значение приобретает выбор политики развития. Разумное регулирование мировых процессов на основе международно признанных норм и правил может придать мировому развитию новое качество, адекватное существующим угрозам.

Ключевые слова: рост и развитие, экологические угрозы, глобализация, пределы роста, развитие человека, общественное благосостояние, устойчивое развитие, политика развития

Современное мировое развитие парадоксально. С одной стороны, – поразительные технические и экономические достижения цивилизации, открывающие невиданные прежде возможности создания достойных условий жизни для всех, с другой – и отчасти вследствие этих достижений – угрозы для природной среды, для здоровья и жизни людей, столкновение интересов, очаги конфликтов и войн, неопределённость будущего.

Сложная действительность ставшего целостным, но разделённого мира есть тот исходный пункт, от которого приходится отталкиваться, говоря о проблемах *политики развития*, способной содействовать установлению более устойчивого и справедливого мирового порядка. «Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы действовать», – этот афоризм французского философа XIX в. Огюста Конта как нельзя более уместен в наше беспокойное время.

Вверх по лестнице, ведущей вниз

Развитие часто отождествляют с экономическим ростом. Стало привычным измерять общественное благосостояние величиной валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. На самом деле (и это давно уже признано) использование ВВП как индикатора благосостояния лишь вводит в заблуждение. Статистика ВВП не даёт и не может дать адекватного представления об уровне и динамике общего благосостояния, потому что засчитывает в качестве дохода также общественные издержки – сокращение природной ресурсной базы, затраты на ликвидацию последствий аварий, природных бедствий, другие непроизводительные расходы. Поэтому показатель общего благосостояния неизбежно отклоняется от показателя ВВП, а может и снижаться, когда экономика продолжает расти [Zolotas 1981; Daly 1996].

Это привело в своё время к признанию необходимости различения *роста* и *развития* как изменений преимущественно количественных – в первом случае, и качественных – во втором. Развитие стали рассматривать главным образом с точки зрения положения человека, качества жизни, определяемого не только и не столько уровнем среднего дохода на душу населения, сколько такими параметрами, как ожидаемая продолжительность жизни, образование, доступность базовых социальных услуг, объектов культуры.

Другое основание для различения роста и развития – двусмысленность либеральной модели потребительского общества, которое обещает больше, чем может дать. Рынок порождает завышенные ожидания, обманчивые для многих. Доступ к всё более дорогим престижным благам обусловлен уровнем дохода. То, что хотят и могут иметь одни, не могут

Сложная действительность ставшего целостным, но разделённого мира есть тот исходный пункт, от которого приходится отталкиваться, говоря о проблемах политики развития.

Развитие стали рассматривать с точки зрения положения человека, качества жизни, определяемого не только уровнем среднего дохода на душу населения, но и такими параметрами, как продолжительность жизни, образование, доступность социальных услуг, объектов культуры.

получить все. «Обществу изобилия» парадоксальным образом сопутствует феномен относительной лишённости. Рынок доводит доступное широкому кругу потребителей до той точки, когда возникает *избыточность, скученность*, что существенно снижает ценность пользования новыми благами (приносимое ими удовлетворение), приводит к ситуациям дискомфорта, бытовой конфликтности и другим социальным издержкам.

Вездесущая навязчивая реклама и всемогущая мода становятся для потребителя своего рода ловушкой: ему приходится, подобно Алисе в Стране чудес, бежать всё быстрее, чтобы оставаться на том же месте. Вынужденная погоня за призраком «счастья» в облике всё новых потребительских благ, предлагаемых рынком, не делает людей более счастливыми. Достижение более высокого жизненного стандарта означает для многих утрату позитивной цели жизни. Другие страдают от комплекса неполноценности («я – неудачник»), неуверенности в себе, стрессовых состояний, психических расстройств. Отсюда распространение алкоголизма, наркомании, иных форм аномального поведения. Здесь для рынка с присущей ему тенденцией эксплуатировать человеческие слабости и пороки, открывается широчайший простор.

Экономический рост остаётся, конечно, важной предпосылкой развития, особенно для более бедных стран. При низком исходном уровне развития и растущем населении преодоление бедности невозможно без роста материального производства. Чем ниже этот исходный уровень, тем больше развитие зависит от роста производства. И, наоборот, при более высоком уровне развития общества и стабилизации численности населения больше возможностей для перераспределения общественного продукта; поэтому зависимость развития от темпов экономического роста снижается.

В любом случае, плоды экономического роста распределяются крайне неравномерно. Богатство, наследуемое и прирастающее в поколениях, всё больше концентрируется в руках немногих [Picketty 2014]. Источниками сверхвысоких доходов могут быть рентные платежи, дивиденды, монопольная сверхприбыль, спекуляции ценными бумагами, заоблачные жалованья и бонусы топ-менеджеров и высокопоставленных чиновников. Контроль над ресурсами, сопутствующий владению финансовыми активами и/или высокому положению в управленческой иерархии, позволяет частным лицам присваивать немалую долю всеобщих благ, т. е. того, что приносит в экономический рост применение научных знаний, использование природных ресурсов, технический прогресс [Nadel 2012: 30–43¹].

¹ Цитируемый автор, Семён Надель, многие годы возглавлял отдел социальных исследований в Институте мировой экономики и международных отношений РАН. Последние годы жизни провёл в США, где продолжал заниматься научными исследованиями.

Крайнее неравенство – одна из главных социальных проблем современности. Контрасты сверхбогатства и бедности разлагают общество, подрывают его нравственные устои [Judt 2012: 21–23]. На Западе это проявилось особенно наглядно с переходом к постиндустриальной эре и во многом связано с информационно-коммуникационной революцией, с ростом крайнего индивидуализма. Ценности, поощряющие расточительную роскошь, гедонизм, примитивный поп-арт, оттеснили традиционные ценности протестантской этики [Bell 1976]. В США на фоне экономического подъёма произошло то, что Фрэнсис Фукуяма назвал «великим разрывом» в социальных ценностях – рост насилия, преступности, ослабление семейных связей, упадок доверия людей друг к другу, к политическим институтам, другие формы социальной дезорганизации [Фукуяма 2004].

Рост доходов и потребления не может, таким образом, считаться синонимом позитивного социального развития. Возможность пользоваться всё большим объёмом жизненных благ не обязательно приводит к большему удовлетворению жизнью. Пресловутый «джонесизм» (стремление не отстать «от Джонсов») оборачивается для многих комплексом неполноценности – со всеми упомянутыми выше негативными последствиями. Потребительское изобилие сплошь и рядом оборачивается вседозволенностью, утратой нравственных ориентиров и самоконтроля людей над своим поведением [Brzezinski 1993: 64 sqq]¹. Показательно, что в США на протяжении XX в. периоды процветания сопровождалась ростом преступности [Samuelson 1995: 59]. И в этом богатом обществе, она, как известно, намного выше, чем в менее богатых странах.

Пределы роста и возможности развития

Различение роста и развития на определённом этапе привело к пониманию того, что экономический рост, в отличие от развития, не может быть беспредельным, он наталкивается на естественные пределы, налагаемые природной средой. Любые экспоненциальные процессы предельны по определению. Неограниченный рост в ограниченной и невозпроизводимой среде (какой является биосфера) невозможен. Его физические пределы (растяжимые, но вполне реальные) заданы конечной несущей ёмкостью природных экосистем.

Это можно проиллюстрировать простым числовым примером. Зная период удвоения объёма производства, легко определить, что, например, умеренный ежегодный

¹ Для обозначения этого явления Бжезинский использовал трудно переводимые на русский язык термины «permissive cornucopia» или «cornucopian permissiveness», т. е. вседозволенность, порождаемая потребительским изобилием.

3-процентный рост (удвоение приблизительно за 23 года) на протяжении столетия означал бы почти 20-кратное увеличение объёма производства. Ни отдельные страны с уже развитой экономикой, ни мировая экономика в целом не могут долго поддерживать такое увеличение производства вследствие ресурсных и экологических ограничений. Антропогенное воздействие хозяйственной деятельности человека на природную среду уже превысило тот порог, за которым нарушение естественного механизма её саморегуляции и восстановления стало необратимым.

Предостережения учёных о грозящих человечеству опасностях звучат давно. Наибольшую известность получил доклад, представленный в 1972 г. группой исследователей Массачусетского технологического института (США) Римскому клубу, под названием «Пределы роста» [Медоуз и др. 1991]. Авторы, основываясь на компьютерной модели системной динамики мира Дж. Форрестера, показали: если наблюдавшиеся на протяжении большей части XX в. тенденции роста населения, промышленного и сельскохозяйственного производства, потребления ресурсов и воздействия на окружающую среду сохранятся, то во второй половине XXI в. произойдёт коллапс. Избежать его можно, изменив тип развития, придав иное, новое качество экономическому росту, совместимое с сохранением устойчивости природной среды.

Пока такого не происходит [Медоуз и др. 1994; 2007]. Это подтверждает, в частности, оценка западными экспертами основных компонентов совокупного национального богатства и тенденций их изменения в большой группе стран мира. В большинстве из 20 стран, которые стали объектами этого исследования (72% мирового населения), оцениваемый природный капитал (при этом не учитывались эрозия почв и сокращение водных ресурсов) на протяжении 1990–2008 гг. сократился – как абсолютно, так и в расчёте на душу населения [Inclusive... 2012]. Масштаб зафиксированного сокращения варьируется от страны к стране, составляя в среднем 5%, что для такого короткого срока выглядит устрашающе. Ведь ВВП в указанной группе стран продолжал расти, т. е. рос за счёт «проедания» природных ресурсов¹. Чем объясняется, видимо, и наблюдаемое ныне обострение борьбы на международной арене за доступ к ресурсам.

Результаты этого исследования позволили его авторам поставить ряд вопросов, имеющих принципиальное значение для оценки доминирующей в мире модели развития. Является ли она приемлемой с точки зрения человеческого

¹ Опубликованное позднее новое исследование, охватившее 140 стран, подтвердило данный вывод: природный капитал сократился в 127-ми из них [Inclusive... 2014: xxiv].

благополучия? Можно ли считать нацеленность на материальное богатство и экономический рост ключевыми факторами благосостояния? Позиция, заявленная в докладе, однозначна: они не должны рассматриваться как самоцель. Не менее важны социальные и экологические факторы – образование, здоровье, чистый воздух, чистая вода и, среди прочего, важные для душевного здоровья людей природные ландшафты. В фокусе политики развития должно быть благосостояние человека.

Реальные возможности существенного сокращения удельных ресурсных затрат без ущерба для роста производства существуют [Вайцзеккер и др. 2000; 2013]. Доказана и практическая возможность сокращения эмиссии парниковых газов, снижения уровня промышленных и бытовых отходов. Реализация этих возможностей предполагает более широкое использование ресурсосберегающих и природоохранных технологий. Но технический прогресс может лишь отодвигать, но не может сам по себе предотвратить наступления «режима превышения предельных состояний». Необходимо изменение типа социального развития, переход к такому типу развития, который направляли бы не частные интересы, не «слепые» рыночные силы, а ценностные установки и правила, привносимые извне рыночных отношений, интересы общественного блага.

Важно понимать: пределы роста – это не пределы развития. Существуют сферы, где предела нет и не может быть – это сфера культуры, образования, искусства, спорта, физического и духовного развития личности. Здесь не может возникнуть феномен «избыточности». Напротив, чем больше люди погружаются в эти сферы, тем лучше для климата в обществе. Вполне закономерно, что проблематика развития человека стала занимать в последние десятилетия всё большее место в международном научном и политическом дискурсе.

Стимулируют его, в частности, регулярно публикуемые с 1990 г. под эгидой Программы развития ООН доклады о развитии человека. Инициаторы этого проекта с самого начала декларировали новый подход к пониманию развития: его цель должна состоять в создании благоприятной среды, позволяющей людям вести долгую, здоровую и творческую жизнь. В противоположность экономизму в качестве меры развития признаётся не максимизация потребления, не изобилие материальных благ, а обогащение физической и духовной жизни людей, повышение её качества. В итоге двадцатилетних исследований авторы проекта пришли к следующим важным выводам:

- применение новейших методов измерения социальных процессов подтвердило центральную роль неравенства и бедности в системе человеческого развития;

Пределы роста – это не пределы развития. Существуют сферы, где предела нет и не может быть – это сфера культуры, образования, искусства, спорта, физического и духовного развития личности. Здесь не может возникнуть феномен «избыточности».

- эмпирически доказана слабая зависимость между темпами экономического роста и улучшениями в области здравоохранения, образования, социального обеспечения. Существенные достижения в этих сферах возможны и без быстрого роста, что указывает на решающую роль выбора приоритетов и социальной политики;

- рынки автоматически не приносят прогресса. Рыночный экономический порядок важен, необходим, но недостаточен. Политика, которая делает слишком большой упор на быстром экономическом росте, редко приводит к успешному социальному развитию [Доклад... 2010].

Оценка состояния мирового сообщества с точки зрения критериев социального прогресса приводит к неутешительным результатам. Резервы повышения уровня социального прогресса весьма велики. Согласно одному из последних исследований [Social Progress Index 2015]¹, если рассматривать мир как одну страну, общий глобальный индекс социального прогресса равнялся бы 61 баллу (из 100 возможных). Среднемировая оценка удовлетворения базовых потребностей человека превысила общий глобальный индекс только по разделам «питание» (87,47 балла) и «состояние воды и санитарии» (68,87). Значительно ниже оказался среднемировой показатель состояния здоровья и условий сохранения здоровья (64,47) и ещё ниже показатель состояния окружающей среды (51,60). Самую низкую оценку получило третье измерение – «возможности прогресса». Лучший мировой показатель в этом разделе – «личная свобода и выбор» (61,23), намного ниже показатель доступности продвинутого образования (46,24), прав личности (43,10), терпимости и инклюзии (42,36).

Эти средние показатели весьма условны (что-то вроде средней температуры по больнице). Уровень социального прогресса в промышленно развитых странах выше среднего и намного ниже него в большинстве развивающихся стран. Особенно в том, что касается удовлетворения базовых потребностей человека и возможностей прогресса. Но даже у стран «первого эшелона» много нерешённых проблем и открыты возможности улучшений в различных направлениях. Почти все они имеют, в частности, низкую оценку устойчивости экосистем.

Подтвердилось и то, что экономические результаты не дают полного объяснения различий в уровне социального прогресса. Показателен пример США: богатейшая мировая держава, лидеры которой считают её «образцом» для народов

¹ Исследованием были охвачены 133 страны (94% мирового населения), по которым удалось получить достоверные данные. Использовалось в общей сложности 54 *неэкономических* индикатора. Шкала значений определялась путём идентификации лучших и худших результатов по каждому индикатору, сведённых в агрегированные показатели.

других стран, заняла в этом рейтинге только 16 место, причём по показателю ожидаемой продолжительности жизни – 30-е, по выживаемости новорожденных – 38-е, по уровню самоубийств – 81-е [Kristof 2015].

Трудно переоценить с этой точки зрения значение выбора стратегии развития. Для промышленно развитых стран (которые в перспективе должны послужить в этом отношении примером для остальных) оптимальным был бы постепенный отход от нерациональной структуры производства и потребления, выдвижение на первый план социальных проектов, ставящих, помимо удовлетворения базовых потребностей человека, задачи более высокого порядка. Такие задачи, как развитие семейных и общественных связей, содействие духовным и культурным исканиям, продвижение способов производства и образа жизни, совместимых с сохранением окружающей среды. Речь идёт о новом качестве мотивации человеческой деятельности, о становлении культуры постматериальных ценностей, об изменении способа бытия людей. На смену озабоченности обладанием материальных благ должен прийти «модус бытия» [Фромм 1986], стремление к соблюдению этических принципов социальной справедливости, солидарности и ответственности, к раскрытию и реализации каждым индивидом своего креативного потенциала.

Проблема социальной справедливости привлекает всё больше внимания повсюду в мире. Даже такой консервативный институт, как Всемирный банк, счёл необходимым посвятить один из своих докладов о мировом развитии теме «Справедливость и развитие» [Доклад... 2006]. В противовес неолиберальным догмам авторы этого доклада признают непреходящее значение социальной справедливости как таковой, а также с точки зрения эффективной политики развития вообще и экономической политики, в частности. Позитивную корреляцию справедливости и экономической эффективности они объясняют тем, что благодаря равенству возможностей обеспечивается более производительное использование экономического потенциала и более эффективное использование ресурсов. Поэтому, говорится в докладе, «необходимо выдвинуть соображения справедливости на центральное место как в социальной диагностике, так и в практической политике» [Доклад... 2006: 3]. Есть и другие исследования, которые подтверждают, что страны, где равенства больше, развиваются более успешно [Wilkinson, Pickett 2009].

Разительные контрасты сверхбогатства и бедности воспринимаются в массовом сознании как несправедливость, порождая антикапиталистические настроения, а в последнее время и возвращение к идее социализма. В 2016 г., согласно опросу агентства YouGov, в Германии о благоприятном отношении к социализму заявили 45% респонден-

Позитивную корреляцию справедливости и экономической эффективности объясняют тем, что благодаря равенству возможностей обеспечивается более производительное использование экономического потенциала и более эффективное использование ресурсов.

тов, тогда как предпочтение капитализму выразили только 26% опрошенных. В Великобритании это соотношение оказалось не столь выразительным, но всё же выбор в пользу социализма преобладал – 36% «за» и 32% «против»; тогда как в пользу капитализма высказались 33, а против – 39%. И даже в США, где приверженность капитализму в массовом сознании преобладает (52% согласно тому же опросу), 29% высказались в пользу социализма и 27 – против капитализма [British people...].

Аналогичный опрос, проведённый тем же агентством в ноябре 2017 г. в США, показал такой расклад в американском общественном мнении: среди населения в целом выбор в пользу капитализма поддержали бы 59%, в пользу социализма – 34. При этом представители молодого поколения (те, кто родились в начале XXI в.) предпочли бы социализм (44%) капитализму (42%). Правда, лишь треть респондентов смогли дать сколько-нибудь внятное определение социализма, подразумевая, очевидно, его социал-демократическую интерпретацию. Большинство же путались в определениях. Это неудивительно, учитывая распространённое в американском обществе «историческое невежество», что отметили сами эксперты, проводившие опрос [Annual Report...].

Инновационный натиск и сопротивление самобытности

Инновации, понимаемые как получение и применение новых знаний в различных областях человеческой деятельности, – один из главных источников социально-экономического развития. В основе инноваций лежит присущая человеку креативность, способность и стремление экспериментировать, познавать, получать и применять новые знания на практике. Научные революции нового и новейшего времени дали мощные импульсы процессам модернизации, которые определили современный облик мира.

Процессы глобализации, интенсификации информационных связей и интернационализации науки ведут к ускорению темпов научно-технического прогресса. Возрастает его влияние на общественное развитие. Технический прогресс открывает новые возможности развития человека, повышения общественной производительности труда, уровня и качества жизни. В свою очередь, развитие человека, улучшение материальных условий жизни, бтльшая доступность образования и качественного здравоохранения становятся дополнительным стимулом для креативной активности людей.

Однако научно-технический прогресс – не панацея для решения любых социальных проблем. Его успехи порождают иллюзию, будто со временем новые чудо-технологии позволят найти выход из трудностей, с которыми сталкивается человеческая цивилизация на современном этапе. Но эти трудности имеют другую природу – социальную. Значит, выход следует искать в изменении самой модели общественного развития, его оснований.

Возможности научно-технического прогресса не безграничны. Каждое новшество имеет свой предел – убывающую отдачу совершенствования. Создание принципиально новых технических устройств и технологий требует увеличения предельных издержек. Вера в безграничные возможности науки и техники заставляет подчас забывать о непредсказуемых побочных последствиях научных открытий и технических нововведений. Усложнение техники повышает вероятность сбоев и увеличивает масштабы их опасных последствий.

Инновации – это и новые социальные проблемы. По большей части инновации амбивалентны с точки зрения их полезности. Им сопутствуют явные или скрытые побочные последствия, вредные и даже опасные для людей и окружающей среды. Таковы тысячи химикатов, применяемых в производстве, строительстве и в быту, массовая автомобилизация (гибнут миллионы!), сотовая связь (электромагнитные излучения), ядерная энергетика (Чернобыль!), социальные сети интернета (киберпреступность, провоцирование психозов, насилия) и пр. Инновации порождают не только надежды (инновации в медицине, экологические), но и страхи (ядерное, химическое, биологическое оружие).

В качестве «инноваций» нередко используются методы (например – в производстве пищевых продуктов), снижающие издержки, но ухудшающие качество [Варшавский 2014]. Больше проблемных инноваций – больше рисков. С усложнением естественнонаучных знаний труднее становится оценивать возможные отдалённые последствия их применения. Что перевесит в инновационных процессах: новые возможности всеобщего процветания или угрозы? Всё больше фактов, которые заставляют предполагать, что растущие риски, сопутствующие, например, генной инженерии, клонированию, созданию искусственного интеллекта, роботомании могут в чём-то перевесить приносимую этими инновациями пользу.

Негативную роль играет безудержная коммерциализация достижений науки и научно-технического прогресса. Рыночная конкуренция побуждает предпринимателей использовать полученные наукой новые знания для создания новых видов товаров и услуг. Но корпорации не начнут их массовое производство, не создав предварительно спрос на

Научно-технический прогресс – не панацея для решения любых социальных проблем. Эти трудности имеют другую природу – социальную. Значит, выход следует искать в изменении самой модели общественного развития, его оснований.

Инновации – это и новые социальные проблемы. По большей части они амбивалентны. Им сопутствуют явные или скрытые побочные последствия, вредные и даже опасные для людей и окружающей среды.

новую продукцию. Поэтому затрачиваются огромные средства на самую изощрённую рекламу («вы этого достойны!»), на искусственное стимулирование новых потребностей, часто иррациональных и просто вредных, опасных как для здоровья и психики людей, так и для окружающей среды.

Компьютеризация по праву считается выдающимся достижением научно-технического прогресса. Но эксперты обращают внимание на то, что гуманитарные последствия информационной революции неоднозначны. Приведём мнение весьма сведущего в этих вопросах эксперта, Джеймса Биллингтона, бывшего в течение многих лет директором Библиотеки Конгресса США: «Поскольку чрезмерные обещания относительно компьютерной революции сделаны, имея в виду скорее вещи, чем людей, компьютерная революция может по иронии превратиться в конце концов в непреднамеренное орудие содействия самоубийству того самого открытого и свободного общества, примером которого она имеет претензию себя объявлять» (Биллингтон 2001: 120). Нынешнее состояние американского общества свидетельствует, возможно, о том, что оно находится на пути к осуществлению этого мрачного прогноза.

Коммерциализация прочно захватила сферу высоких технологий. Один из проектов американского миллиардера и изобретателя Илона Маска – разработка устройства, которое позволило бы физически соединить мозг человека с компьютером. Считается, что это позволило бы увеличить эффективность работы мозга, естественные ресурсы которого к настоящему времени будто бы исчерпаны. (Понятно, что такой симбиоз, если его удастся осуществить, легко смогут контролировать какие-то внешние силы). Некоторые, между тем, идут ещё дальше, развивая идею биотехнологической модификации самого человека – вплоть до изменения биологического вида *Homo sapiens*, т. е. изменения человеческой природы и формирования «постчеловека». Средством для этого, полагают сторонники «трансгуманизма», послужат генная инженерия, искусственный интеллект и модификация тела человека с помощью искусственных органов, имплантантов. Какие бы обоснования в пользу подобных инноваций ни приводились, опасность экспериментов в этом направлении огромна и не может не вызывать тревоги [Fukuяama 2002].

Осуществятся ли эти проекты, пока трудно сказать, но производимое инновационным натиском новое социальное расслоение уже происходит. Информационная революция порождает на одном полюсе общества высокооплачиваемую интеллектуальную элиту, владеющую новыми знаниями и технологиями, что позволяет контролировать огромные объёмы информации, а на другом – группы рядовых граждан, в основном старших возрастов, опыт и квалификация которых ста-

новятся ненужными, и они должны либо переучиваться, либо уходить с рынка труда и перебиваться случайными заработками или пособиями. Появляется так называемый «прекариат» – класс людей, лишённых возможности найти достойную работу и устойчивое место в жизни.

Понятно, что подобные тенденции не могут не вызывать массового недовольства и явного или неявного сопротивления. Прямо или косвенно оно находит своё выражение в разных формах – в феномене молодёжных «контркультур»; в волонтерских движениях, в акциях благотворительности; в действиях профсоюзов, ослабленных, правда, но способных во многих странах поднять трудящихся на протесты против попыток отнять у них прежние социальные завоевания; в сообществах и движениях, выступающих в защиту природы, биоразнообразия, против генетически модифицированных продуктов, узаконения однополых браков, за сохранение объектов культурного наследия и т. п.

Испанский социолог М. Кастельс так интерпретирует общий смысл этих движений: «Вовлечённые в движение сопротивления сообщества защищают своё пространство, своё место от безродной логики пространства потоков, характеризующей социальную доминанту информационного века. Они дорожат своей исторической памятью, утверждают непреходящее значение своих ценностей в борьбе против распада истории в условиях исчезновения времени, против эфемерных компонентов культуры виртуальной реальности. Они используют информационную технологию для горизонтальной коммуникации между людьми, для проповедования ценностей сообщества, отрицая новое идолопоклонство перед технологией и оберегая непреходящие ценности от разрушительной логики самодовлеющих компьютерных сетей. <...> При этом они выступают в качестве сторонников использования науки и техники в интересах жизни, одновременно противясь тому, чтобы жизнь подчинялась науке и технологиям» [Castells 1997; Кастельс 1999: 298].

«Сопротивление самобытности» (по определению М. Кастельса, в оригинале “identity resistance”) натиску глобальных тенденций и радикального индивидуализма находит себе опору в *традициях* – в ценностях религии, нации, семьи, в присущих людям побуждений к солидарности и коллективным действиям. Накопление факторов нестабильности актуализирует значение традиций как социального механизма наследования передающихся из поколения в поколение ценностных установок, определяющих культурную самобытность народа, его национальную идентичность.

Традиции образуют стержень национальной культурной самобытности. Культура не «устаревает» вместе с «устареванием» других сторон общественной жизни. При всём

Накопление факторов нестабильности актуализирует значение традиций как социального механизма наследования передающихся из поколения в поколение ценностных установок, определяющих культурную самобытность народа, его национальную идентичность.

многообразии своих конкретных проявлений культура, благодаря устойчивости культурных традиций, сохраняет свою целостность на протяжении целых эпох. Конечно, со временем в чём-то меняются и традиции, а обновляющийся мир порождает и новые их виды. Но старые традиции нередко оказываются сильнее новых, они «возрождаются» даже после самых радикальных социальных потрясений, как это было после всех великих революций прошлого. Различия в исторически сложившихся национальных культурах и традициях народов обусловили многообразие паттернов модернизации, а тем самым – и типов локальных цивилизаций [Eisenstadt 1973].

Как тотальное отрицание традиций, так и обращённый лишь в прошлое консерватизм ущербны для общества. Тогда как опирающийся на здоровые национальные традиции умеренный консерватизм способен выполнять стабилизирующую функцию. Консерватизм, по словам Б. Капустина, – это не «охранительство вообще», не барьер на пути общественных изменений и реформ, и не призыв «вернуться в прошлое», а ориентация на эволюционное развитие при сохранении и развитии присущих данному обществу культурных традиций» [Капустин 2004: 44–53].

Политика глобализации и цели устойчивого развития

О глобализации как одной из ведущих тенденций мирового развития заговорили со второй половины 80-х гг. прошлого века, когда глубина и масштабы глобальных процессов приобрели качественно новый характер. Примерно в то же время появилась и идея устойчивого развития, которая возникла в ответ на кризис индустриализма и порождённые им проблемы экологической безопасности.

Можно ли считать, что представления о глобализации и устойчивом развитии обозначают явления одного и того же порядка, как считают некоторые? Или тут приходится иметь дело с двумя разными и даже противоположными представлениями о целях и смысле мирового развития? Ответ представляется однозначным: в этих понятиях отражаются разные стороны состояния современного мира. Они различаются как по содержанию, так и с точки зрения социально-политической и этической направленности. Речь идёт о двух моделях развития, векторы которых не совпадают.

Суть и смысл понятия «глобализация» – в фиксации пространственных параметров экспансии неолиберальной экономической модели. Этот процесс имеет свои объективные

Различия в исторически сложившихся национальных культурах и традициях народов обусловили многообразие паттернов модернизации, а тем самым – и типов локальных цивилизаций.

основания, но одновременно это и результат определённой политики, чего приверженцы рыночной глобализации и не скрывают: «В исторической перспективе её [глобализацию] следует понимать как событие главным образом политическое» [Линдси 2006: 26]. Творцам политики глобализации с самого начала хотелось видеть в ней синоним прогресса и процветания, источник всеобщего блага, ключ к решению всех проблем.

Но действительность оказалась иной, чем она рисовалась энтузиастам глобализации. Хотя политика «открытия рынков» способствовала экономическому росту в некоторых развивающихся странах (Китай, Индия, другие страны Юго-Восточной Азии), выигрыш и издержки этой политики распределялись крайне неравномерно: больше всего выигрывали страны Запада, тогда как основные издержки пришлось нести странам со слабой экономикой. Рыночная глобализация усилила дестабилизирующие тенденции мирового развития.

Обострение международной конкуренции обернулось губительной «гонкой по нисходящей». Многие правительства, пытаясь избежать оттока капиталов, встали на путь сокращения социальных расходов. Навязанная финансовыми центрами Запада политика «структурной адаптации» подрывала национальные системы регулирования, заставляла снижать уровень требований к условиям труда, к защите окружающей среды. Углублялась пропасть между богатством и бедностью, разрушались традиционные уклады хозяйствования в беднейших странах, обострялись проблемы занятости, нарастали миграционные потоки, активизировались наркоторговля и организованная преступность. Гегемонистские притязания главного «глобализатора», Соединенных Штатов Америки, привели к ухудшению международной обстановки, даже по сравнению с периодом «холодной войны».

В этом смысле глобализация представляет собой антитезу устойчивого развития¹. Концепция устойчивого развития подразумевает переосмысление, переопределение задач развития в свете вызовов современности, соответствующее изменение ценностных установок и основанного на них целеполагания, повышение уровня сознательного контроля процессов, подрывающих основы мирового порядка и угрожающих человечеству. Схематично сравнение двух моделей развития представлено в [таблице 1](#).

¹ Статистическое измерение корреляции индексов глобализации и устойчивого развития показало крайне слабую (экономика, общество, культура) или отрицательную (политика, экология) связь между ними. Источник: Martens P., Raza M. Is «Globalisation Sustainable?» // Sustainability. 2010. № 2. P. 280–293. См.: Россия в окружающем мире: 2010. Устойчивое развитие: экология, политика, экономика (Аналитический ежегодник) / Отв. ред. Н. Н. Марфенин. М.: Издательство МНЭПУ, 2010. С. 217.

Таблица 1

Глобализация vs устойчивое развитие

	Неолиберальная глобализация	Устойчивое развитие
1. Руководящий принцип	Дерегулирование, рыночная экспансия	Регулятивный принцип, экологическая устойчивость
2. Цивилизационная парадигма	Техноцентричная. Экономический рост, потребительское общество	Социо- и культуроцентричная: ограничение роста, принцип достаточности
3. Основные ценности	Рыночные, денежные, материальные	Постматериальные, экологические, качество жизни
4. Этика поведения	Эгоистическая: конкуренция, эффективность, личный успех	Солидарность, справедливость, ответственность за будущее
5. Креативные предпочтения	Технические инновации, максимизация потребления, престижные (статусные) блага, гедонизм	Социальные инновации, сбережение ресурсов, более простой образ жизни, сближение с природой
6. Логика самодвижения	От процесса к его политизации	От идеи к её воплощению
7. Тип развития	Стихийно-рыночный	Направляемый общественным предвидением

Получив сначала широкое признание в мире, концепция устойчивого развития вскоре, однако, стала терять привлекательность в глазах сильных мира сего, увлеченных рыночной глобализацией. На Западе в ней усмотрели угрозу достигнутым там высоким потребительским стандартам и опасность «коллективистского» регулирования, в развивающихся странах – препятствие для экономического роста и борьбы против бедности. Идея устойчивого развития стала отодвигаться на задний план, выхолащивалась, уходила в область риторики, сводилась к расхожим и бессодержательным формулам.

С течением времени США и другие западные страны стали всё более ощущать на себе воздействие «обратной глобализации» – конкуренции со стороны поднимающихся экономик Азии и нарастающих потоков иммигрантов из стран бедного Юга. Перед лицом обостряющихся кризисных явлений глобалистская эйфория стала постепенно проходить, уступая место возрождению явного или скрытого протекционизма. Положение в мире заставляло руководителей государств вновь и вновь возвращаться к идее устойчивого развития. О своей приверженности этому принципу они заявили в 2000 г. на Генассамблее ООН в «Декларации тысячелетия», где были также определены обязательства по достижению ряда кон-

кретных целей на период до 2015 г. Конференция ООН по устойчивому развитию 2012 г. приняла пространную программу действий «Будущее, которого мы хотим». Саммит ООН по устойчивому развитию 2015 г. одобрил расширенную программу целей под названием «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.».

Но устойчивое развитие не стало пока приоритетом мировой политики. Никакие международные соглашения и программы, никакие правовые нормы сами по себе не изменят ситуации, если в сознании и поведении большинства людей не произойдут такие трансформации, которые изменят вектор цивилизационного развития. Угрозы, с которыми сталкивается человечество, требуют отказа от сложившихся в прошлом и во многом сохраняющихся поныне жизненных привычек людей – утилитарного, потребительского отношения к природе, расточительности в использовании ресурсов. Переход к устойчивому развитию предполагает этическое обновление, утверждение в массовом сознании новых ценностных установок, включая прежде всего осознание самоценности природы как условия сохранения жизни на Земле, ограниченности доступных для эксплуатации ресурсов, признание невозможности безграничного экономического роста.

Эти мысли развивает новый доклад Римского клуба, приуроченный к его 50-летию [Weizsäcker, Wijkman 2018]. «Мир в опасности», говорится в докладе. Путь к спасению – в осознании изменившегося положения человечества. Это долгий и трудный путь, потому что здесь затрагиваются глубинные основы человеческой психики, вековые традиции и привычки, частные интересы – будь то личные, групповые или национальные. Успех проекта устойчивого развития не предопределён. Будущее открыто, оно таит в себе возможность разных исходов, в том числе катастрофических. Вопрос о перспективах устойчивого будущего остаётся открытым.

Человечество у развилки истории

Человечество переживает, возможно, самый опасный период в своей истории. Международный режим нераспространения ядерного оружия распатывается. На горизонте вновь замаячил призрак ядерной войны. Великие державы продолжают наращивание вооружений, всё более совершенных и мощных. Мир втягивается в ситуацию ползучей экологической катастрофы. Обостряется борьба за доступ к ресурсам. С международным терроризмом далеко ещё не покончено. Людей преследует страх за свою жизнь и жизнь близких, они испы-

тывают неуверенность в будущем, ощущение непрочности, зыбкости существования, беспомощности перед лицом анонимных сил, от которых зависят, но которые не могут контролировать.

Поиски выхода из этой критической ситуации неизбежно выводят на вопрос: будет ли мировое развитие и впредь оставаться стихийным, как сейчас, или возобладает достойный человеческого разума выбор в пользу направляемого развития? Неолиберализм, донныне доминирующий в политике Запада, ориентирует в основном на стихийность. Как утверждал идеолог неолиберализма Ф. фон Хайек, свобода личности возможна лишь при условии подчинения человека слепым, безличным силам рынка [Науек 1944]¹. Став политикой ведущих государств Запада (рейганизм, тэтчеризм), этот идеологический постулат определил особенность мирового развития, которой Збигнев Бжезинский дал однажды такую образную характеристику: «Мы всё быстрее устремляемся в будущее, но это будущее в растущей мере определяется темпом изменений, а не нашими волями. Мир как самолёт на автопилоте устремляется с возрастающей скоростью в неизвестном направлении» [Brzezinski 1993: xiv].

Ситуация не изменилась и по сегодняшний день; она, похоже, только ухудшается. Состояние неравновесности системы открывает разные возможности – сползание к хаосу либо выход на какой-то более высокий уровень развития [Пригожин, Стенгерс 1986]. Возможные флуктуации и бифуркации в системе должны вызывать тревогу, но дают и надежду. В современных условиях у мирового сообщества есть возможность противостоять стихийности. Лучшее будущее можно обеспечить, если общественный выбор будет разумным [Сен 2004: 274 и след.]. «Возможное богаче реального», подчёркивает И. Валлерстайн, цитируя И. Пригожина [Валлерстайн 2005: 288]. Посредством целенаправленных скоординированных усилий можно придать мировому развитию новое качество, адекватное существующим угрозам. В век новейших информационно-коммуникационных технологий координация направленных на разумные цели усилий вполне реальна. Теперь это вопрос политической воли. В наше время более чем когда-либо исход бифуркаций «требуется, чтобы им управляли...» [Laszlo 1991]².

Пренебрежение общечеловеческой солидарностью мстит за себя угрозами для всех. Даже самые сильные государства не могут противостоять глобальным угрозам в одиночку, а, следовательно, не могут эффективно защитить и свои национальные интересы. Ростки всемирного этоса глобальной солидарности

¹ Цит. по изданию на русском: Дорога к рабству // Новый мир, 1991. № 8. С. 215.

² Цит. по публикации в журнале «Полис», 1993. № 2. С. 30.

можно усмотреть в распространении практики интернациональной помощи жертвам стихийных бедствий и техногенных катастроф, в содействии развитию проблемных государств по линии ООН, со стороны НПО, в интернационализации борьбы с международным терроризмом, с наркотрафиком, организованной преступностью и пр.

Глобальные вызовы требуют глобальных ответов. Проблема глобального управления (точнее – управляемости) уже многие годы обсуждается в мировом экспертном сообществе [Наше глобальное соседство... 1996]. Элементы глобального управления существуют, но они ограничены отдельными сферами (мировая торговля, финансы, воздушное сообщение и т. п.) и не образуют целостной системы. Между тем, это вопрос, касающийся судеб всего человечества. С проблемой управляемости, или направляемого развития, связаны две крайности: лелеемая одними утопия «мирового правительства» (в той или иной форме) и иррациональные страхи других перед некой «мировой закулисой». Но всё проще: речь идёт о разумном регулировании мировых процессов на основе международно-признанных норм и правил, соблюдение которых, обеспечиваемое коллективными многосторонними структурами, отвечало бы интересам всего мирового сообщества.

Путь к более стабильному и безопасному мировому порядку лежит через диалог и сотрудничество на базе многосторонних комплексных подходов, при уважении многообразия мировых цивилизаций, национальных культур и моделей развития. Императивным требованием становится отказ от конфронтационного и блокового мышления, от стремления к монополии и доминированию в международных делах, от попыток разделения государств на ведущие и ведомые. Особая ответственность лежит на великих державах, на их лидерах. Они должны дать шанс миру на формирование глобальной системы противодействия существующим вызовам и угрозам, новой архитектуры безопасности и устойчивого развития.

Библиографический список

Бжезинский Зб. 2005. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения. 288 с.

Биллингтон Дж. 2001. Гуманитарные последствия информационной революции // Проблемы выбора. Альманах «Форум-2001». М.: Весь Мир. С. 119–128.

Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. 2000. Фактор четыре. Затрат половина, отдача двойная: Новый доклад Римскому клубу. М.: Academia. 400 с.

Вайцзеккер Э., Харгроуз К., Смит М. и др. 2013. Фактор пять. Формула устойчивого роста: Доклад Римскому клубу. М.: АСТ-Пресс книга. 368 с.

Валлерстайн И. 2003. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос. 368 с.

Варшавский А. Е. 2014. Проблемные инновации: риски для человечества. Экономические, социальные и этические аспекты. М.: URSS. 325 с.

Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. 2000. Экологический вызов и устойчивое развитие. М.: Прогресс-Традиция. 414 с.

Доклад о мировом развитии 2006. Справедливость и развитие. М.: Весь Мир, 2006. 312 с.

Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути развития человека. М.: Весь Мир. 239 с.

Капустин Б. Г. Что такое консерватизм. 2004 // Свободная мысль-XXI. № 2. С. 44–53.

Кастельс М. 1999. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia. 640 с.

Линдси Б. 2006. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс. 416 с.

Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рендерс Й., Бернс В. В. III. 1991. Пределы роста / Пер. с англ. М.: Изд-во МГУ. 206 с.

Медоуз Д. Х. и др. 1994. За пределами роста: глобальная катастрофа или стабильное будущее / Пер. с англ. М.: Прогресс. 303 с.

Медоуз Д. Х., Рендерс Й., Медоуз Д. Л. 2007. Пределы роста: 30 лет спустя / Пер. с англ. М.: Академкнига. 342 с.

Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М.: Весь Мир, 1996. 295 с.

Пригожин И., Стенгерс И. 1986. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. 432 с.

Россия в окружающем мире: 2010 (Аналитический ежегодник) / Отв. ред. Н. Н. Марфенин. М.: Изд-во МНЭПУ, 2010. 244 с.

Сен А. 2004. Развитие как свобода / Пер. с англ. М.: Новое издательство. 425 с.

Фромм Э. 1986. Иметь или быть / Пер. с англ. М.: Прогресс. 260 с.

Фукуяма Ф. 2004. Великий разрыв / Пер. с англ. М.: АСТ; Ермак. 488 с.

Annual report on US attitudes towards socialism. Millennials opt for socialism over capitalism // URL: <victimsofcommunism.org/wp-content/uploads/2017/11/YouGov-VOC-2017-for-Media-Release-November-2-2017-final...> [Дата посещения: 09.01.2018].

British people keener on socialism than capitalism // URL: <https://yougov.co.uk/news/2016/02/23/...> [Дата посещения: 09.01.2018].

Brzezinski Z. 1994. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the Twenty-First Century. N.Y.: Collier Books. 244 p.

Bell D. 1976. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y.: Basic Books. 301 p.

Castells M. 1997. The Power of Identity. Melden (Ma) – Oxford: Blackwell Publishers. 461 p.

Daly H. 1996. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston (Ma): Beakon Press. 255 p.

Eisenstadt S. N. 1973. Tradition, Change and Modernity. New York: John Wiley & Sons. 367 p.

Fukuyama F. Our Posthuman Future. Consequences of Biotechnology Revolution. New York: Farrer, Straus and Giroux, 2002. 272 p.

Hayek F. A. von. The Road to Serfdom. L.: Routledge Press, 1944. 266 p.

Inclusive Wealth Report 2012. Measuring progress towards sustainability. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 336 p.

Inclusive Wealth Report 2014. Measuring progress towards sustainability. Cambridge: Cambridge University Press. 329 p.

Judt T. Ill Fares the Land. A Treatise on Our Present Discontents. L.: Penguin Books, 2011. xvi, 237 p.

Kristof N. Enjoying the Low Life. “New York Times”. April 9, 2015.

Laszlo E. 1991. The Age of Bifurkation: The Key to Understanding the Changing World New York and London: Gordon & Breach. 126 p.

Nadel S. 2012. Super Wealth and Poverty. The Nature and Causes of the Widening Gap between Super Wealth and Poverty I the Developed Countries. Indianapolis: Dog Ear Publishing, xiv, 188 p.

Picketty T. 2014. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge (Mass); L.: Harvard University Press. 696 p.

Samuelson R. J. 1995. The Good Life and Its Discontents: the American Dream in the Age of Entitlement 1945–1995. New York: Times Books. 293 p.

Social Progress Index 2015. By Michael E. Porter and Scott Stern with Michael Green. Social Progress Imperative // URL: www.socialprogressimperative.org/data/spi#data_table/countries/spi/dim1.dim3 [Дата посещения: 25.08.2015].

Wilkinson R., Pickett K. 2009. The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. L.: Allen Lane. 336 p.

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. 2018. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. New York: Springer. xiv, 220 p.

Zolotas X. 1981. Economic Growth and Declining Social Welfare. Athens: Bank of Greece. 200 p.

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.494](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.494)

The Paradoxes of Modern Development: Mankind on the Edge of a Historic Bifurcation

Veber Alexander Borisovich

Doctor of Historical Sciences, Main researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: mailbox@polisma.ru

Abstract. This article examines the issues of modern development during a civilization crisis. The dominant development type, based upon uncontrolled economic growth, has led to a disruption in the balance of the biosphere. Ecologic risks have determined the limit of growth – which are flexible, thanks to technological advancements, but are quite palpable. Globalization policy has exacerbated the situation, intensifying competition in the world's markets and the struggle for gaining access to resources. However, limits to growth are not the same thing as limits to social development. There are certain areas which are not limited, such as culture, education, the arts, sports, and creative activities. There is a new approach emerging in the realm of public opinion when it comes to understanding development: its objective must be personal development and social prosperity. This implies development which is compatible with preserving the natural environment in a suitable condition for living, today and in the future. This constitutes the key meaning of the notion of stable development, which is officially accepted by the global community, but has not yet in fact become a priority for global policy. The transition to a different kind of development has been met with clear and implicit resistance from influential powers, since it implies overcoming extreme cases of inequality, a more even distribution of wealth, and positive international collaboration, which rules out any sort of hegemonic aspirations on anyone's part. The future is unclear, bearing the possibility for various outcomes. The proper choice of development policy gains crucial importance. Reasonable regulation of global processes based on globally accepted norms and rules can give global development a new quality, adequate to the risks at hand.

Keywords: growth and development; environmental threats; globalization; limits to growth; human development; social welfare; sustainable development; policy of development.

References

Annual report on US attitudes towards socialism. Millennials opt for socialism over capitalism. Victims of Communism Memorial foundation. Official website. URL: <http://victimsofcommunism.org/wp-content/uploads/2017/11/YouGov-VOC-2017-for-Media-Release-November-2-2017-final.pdf> [date of visit: 09.01.2018].

Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York, Basic Books, 1976. 301 p.

Billington J. Gumanitarnye posledstviya informatsionnoy revoliutsii [The humanitarian consequences of the information revolution]. Problemy vybora. Al'manakh «Forum-2001». Moscow, Ves Mir, 2001, pp. 119–128 (in Russ.).

British people keener on socialism than capitalism. YouGov Web portal. URL: <https://yougov.co.uk/news/2016/02/23/british-people-view-socialism-more-favourably-capi/> [date of visit: 09.01.2018].

Brzezinski Z. Vychor. Global'noe gospodstvo ili global'noe liderstvo [The choice. Global domination or global leadership]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2005. 288 p. (in Russ.).

Brzezinski Z. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the Twenty-First Century. New York, Collier Books, 1994. 244 p.

Castells M. Mogushchestvo samobytnosti [The power of identity]. Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya. Ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Academia, 1999. 640 p. (in Russ.).

Castells M. The Power of Identity. Melden (Ma) – Oxford, Blackwell Publishers, 1997. 461 p.

Daly H. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston (Ma), Beakon Press, 1996. 255 p.

Danilov-Danil'yan V. I., Losev K. S. Ekologicheskiy vyzov i ustoychivoe razvitie [Ecological challenge and sustainable development]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000. 414 p. (in Russ.).

Doklad o mirovom razvitii 2006. Spravedlivost' i razvitie [World Development Report 2006. Equity and development]. Moscow, Ves Mir, 2006. 312 p. (in Russ.).

Doklad o razvitii cheloveka 2010. Real'noe bogatstvo narodov: puti razvitiya cheloveka [Human Development Report 2010. The Real Wealth of Nations: the Way of Human Development]. Moscow, Ves' Mir, 2010. 239 p. (in Russ.).

Eisenstadt S. N. Tradition, Change and Modernity. New York, John Wiley & Sons, 1973. 367 p.

Fromm E. Imet' ili byt' [To have or to be]. Moscow, Progress, 1986. 260 p. (in Russ.).

Fukuyama F. Velikiy razryv [The Great Disruption]. Moscow, AST, Ermak, 2004. 488 p. (in Russ.).

Fukuyama F. Our Posthuman Future. Consequences of Biotechnology Revolution. New York, Farrer, Straus and Giroux, 2002. 272 p.

Hayek F. A. von. The Road to Serfdom. London, Routledge Press, 1944. 266 p.

Inclusive Wealth Report 2012. Measuring progress towards sustainability. Cambridge (UK), Cambridge University Press, 2012. 336 p.

Inclusive Wealth Report 2014. Measuring progress towards sustainability. Cambridge (UK), Cambridge University Press. 329 p.

Judt T. III Fares the Land. A Treatise on Our Present Discontents. London, Penguin Books, 2011. xvi, 237 p.

Kapustin B. G. Chto takoe konservatizm [What is Conservatism]. Svobodnaya mysl'-XXI, 2004, no. 2, pp. 44–53 (in Russ.).

Kristof N. Enjoying the Low Life. New York Times. 2015, April 9.

Laszlo E. The Age of Bifurkation: The Key to Understanding the Changing World. New York and London, Gordon & Breach, 1991. 126 p.

Lindsey B. Globalizatsiya: povtorenie proydennogo. Neopredelionnoe budushee global'nogo kapitalizma [Globalization: the repetition of the past. The Uncertain Future of Global Capitalism]. Moscow, Al'pina Business Books, 2006. 416 p. (in Russ.).

Meadows D. H. and al. Za predelami rosta: global'naya katastrofa ili stabil'noe budushee [Beyond Growth: A Global Catastrophe or a Stable Future]. Moscow, Progress, 1994. 303 p.

Meadows D. H., Meadows D. L., Randers Y., Barns V. V. III. Predely rosta [Limits to Growth]. Moscow, MSU publ., 1991. 206 p. (in Russ.).

Meadows D. H., Randers Y., Meadows D. L. Predely rosta: 30 let spustia [Limits to Growth: The 30-Year Update]. Moscow, Akademkniga. 2007. 342 p. (in Russ.).

Nadel S. Super wealth and poverty. The nature and causes of the widening gap between super wealth and poverty in the developed countries. Indianapolis, Dog Ear Publishing, xiv, 2012. 188 p.

Nashe global'noe sosedstvo. Doklad Komissii po global'nomu upravleniyu i sotrudnichestvu [Our global neighborhood]. Moscow, Ves' Mir, 1996. 295 p. (in Russ.).

Picketty T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge (Mass.), London, Harvard University Press, 2014. 696 p.

Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa. Novy dialog cheloveka s prirodoy [Order out of chaos. A new dialogue between man and nature]. Moscow, Progress, 1986. 432 p. (in Russ.).

Rossiya v okruzhayuschem mire: 2010 (Analitichesky ezhegodnik) [Russia in the World]. Ed. by N. N. Marfenin. Moscow, MNEPU publ., 2010. 244 p. (in Russ.).

Samuelson R. J. 1995. The Good Life and Its Discontents: the American Dream in the Age of Entitlement 1945–1995. New York, Times Books. 293 p.

Sen A. Razvitie kak svoboda [Development as freedom]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2004. 425 p. (in Russ.).

Social Progress Index 2015. By Michael E. Porter and Scott Stern with Michael Green. Social Progress Imperative Web portal. URL: http://www.socialprogressindex.com/assets/downloads/resources/en/English-2017-Social-Progress-Index-Findings-Report_embargo-d-until-June-21-2017.pdf [date of visit: 25.08.2015].

Varshavsky A. E. Problemnye innovatsii: riski dlia chelovechestva. Economicheskie, sotsial'nye i eticheskie aspekty [Problematic innovations: risks for humanity. Economic, social and ethical aspects]. Moscow, URSS, 2014. 325 p. (in Russ.).

Wallerstein E.. Konets znakomogo mira: Sotziologiya XXI veka [End of the familiar world: Sociology of the XXI century]. Moscow, Logos, 2003. 368 p. (in Russ.).

Weizsäcker E. U. von, Khargrouz K., Smit M. Faktor pyat'. Formula ustoychivogo rosta: Doklad Rimskomu klubu [The 5-th factor. The formula for sustainable growth: Report to the Club of Rome]. Moscow, AST-Press kniga, 2013. 368 p. (in Russ.).

Weizsäcker E. U. von, Lovins E., Lovins L. Faktor chetyre. Zaträt polovina, otdacha dvoynaya: Novy doklad Rimskomu klubu [The 4-th factor. The cost is a half, the return is double: A new report to the Club of Rome]. Moscow, Academia, 2000. 400 p. (in Russ.).

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. New York, Springer, 2018. xiv, 220 p.

Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. London, Allen Lane, 2009. 336 p.

Zolotas X. Economic Growth and Declining Social Welfare. Athens, Bank of Greece publ., 1981. 200 p.